



**ДМИТРИЙ ШАТИЛОВ**

Параллель  
Новосибирск 2017

ББК 84.4

Ш 28

### **Шатилов Дмитрий**

Ш 28 Двести тридцать два. — Новосибирск:  
Параллель, 2017. — 237 с.

ISBN 978-5-98901-203-9

Это роман о леди Томлейе – писательнице, чей интерес в истории – побежденные.

Это роман о капитане Глефодде, которого отчаяние и храбрость бросили в бой против Великого Льда.

Это роман об иллюзии и реальности, о претворении фальши в истину, о старом мире и новом, о слове и деле, о смысле и бессмыслице.

И этот роман – о выборе.

## **ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ОРГАНИЗАТОРА КОНКУРСА**

«232» – книга-сюрприз.

Она – явление уникальное. Не копирует, не пересказывает, не подражает. Ее отличают великолепный язык и глубокие образы. В традициях русской литературы автор задает главные вопросы жизни и размышляет на вечные темы. Без пафоса, легким стилем, с большой любовью ко всем героям, с доброй и одновременно горькой иронией. Ни одного лишнего слова! Все работает на фабулу романа, а она эпична и одновременно проста. И оригинальна настолько, что «232» трудно отнести к какому-либо жанру. Большая литература живет движением, и такие книги как «232» развивают литературу, дают пищу для ума.

История маленького человека, совершившего бессмысленный большой поступок во имя абсурдной любви, не оставит равнодушным. Однако лучше автора ее все равно не расскажешь.

Открывайте, читайте, присылайте ваши отзывы в издательство!

*Марина Эшли*

## **ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ДВА**

**Дмитрий Шатилов**

### **ОБ АВТОРЕ:**

Дмитрий Шатилов родился в 1988 году в Красногорске Московской области, окончил Московский государственный областной университет, факультет истории, политологии и права. Учитель истории/историк, журналист, писатель. Любитель вокала и хорошей прозы. Периодически публикуется в бумажных и сетевых изданиях. Роман «Изобретатель смысла» вошел в шорт-лист конкурса от ЭКСМО «100%-я фантастика».

*The weariness of life that has no will  
To climb the steepening hill:  
The sickness of the soul for sleep, and to be still.  
And then once more the impassioned pigmy fist  
Clenched cloudward and defiant;  
The pride that would prevail, the doomed protagonist  
Grappling the ghostly giant.  
Victim and venturer turn by turn, and then  
Set free to be again  
Companion in repose with those who once were men.*

*"Everyman" by Siegfried Sassoon\**

## **1. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ ГЕРОЕМ**

Вообразим себе картину: теплым летним вечером к двухэтажному особняку Наездницы Туамот подъезжает старинное ландо с откидным верхом, влекомое парой гнедых лошадей. В эпоху автомобилей и аэрокаров, когда такой способ передвижения безнадежно устарел, это означает сразу две вещи.

Первая: пассажир ландо богат – ровно настолько, чтобы содержать конюшню и личного кучера.

\*

*Когда жизнь отнимает силы и волю,  
А горы становятся круче и круче,  
И душа уже ничего не хочет –  
Только спать и спать, и не слышать боли,  
Ручонка пигмея сжимает кулак  
И мраку грозит непокорно и рьяно,  
Герой, чья гордость обречена,  
Идет на призрачного титана.  
Бессилье и дерзость в одном лице,  
А после – свобода последнего вздоха  
И вечный покой среди тех, кто был  
Когда-то людьми из его когорты.*

*Зигфрид Сассун «Рядовой»,  
перевод М. Рябцевой*

Вторая: ему совершенно безразлично время, ибо если заботиться о часах и минутах, то из центра Гураб-сити до пригорода, где расположен особняк, быстрее дойти пешком, чем доехать в коляске.

Резиденция Наездницы Туамот выстроена в новогурабском стиле: остроконечная крыша, круглые окна, массивный флигель и балкон, выдающийся вперед, словно утиный клюв. Парадный подъезд украшают колонны из желтоватого мрамора, широкую дорогу к ступеням обрамляют статуи государственных деятелей Гураба, почти все – с отбитыми головами. Чему служат эти изваяния – издевке над хозяевами старого мира или напоминанию о том, что любое величие преходяще – не знает и сама Наездница Туамот. Деятельный ее мозг занят не прошлым, а настоящим – вместе со своим мужем Джамедом, предводителем Освободительной армии, Наездница мудро и справедливо правит Гурабом, избавленным от гнета жестокой династии.

Но кто же приехал к ней – и с какой целью?

Дверь ландо открывается, и мы видим леди Томлейю: острый нос, худые скулы, волосы стянуты в пучок на макушке. Одета она в глухое синее платье, которое сшила своими руками. То же относится и к ее туфлям – их не касался ни один башмачник. Все личные вещи эта женщина хранит от чужих рук.

Леди Томлейя – мнемопат. Стоит ей дотронуться до предмета, принадлежащего другому человеку, как она мгновенно узнает его мысли и чувства, желания и страхи, самую яркую радость и самую жгучую боль.

Своим даром леди Томлейя пользуется в интересах литературы. Ее перу принадлежат такие труды, как

«Альковные тайны Гураба Третьего», «Зумм, рыцарь Терновой Дамы» и «Разбойник Бжумбар». Отмечая неэтичность метода, критики, тем не менее, сходятся в том, что три этих романа отличаются деликатностью, изяществом слога и глубиной проникновения в человеческую душу.

Ныне писательница собирает материал для четвертой книги. В отличие от предыдущих этот роман будет вовсе не о любви. Война за освобождение Гураба закончилась недавно, и хотя леди Томлейя никуда не спешит, ей хочется написать о ней по свежим следам, пока сюжет еще сочится кровью, и из-под груди крикливых мнений, неясных правд и глубокомысленных выводов звучит голос ушедшего времени.

Скоро он умолкнет совсем: на момент, когда Томлейя выходит из ландо, о войне написали уже четыреста семьдесят семь писателей, каждый по книге.

Все эти романы, пьесы и повести, все эти тома, оправленные в кожу и бархат, отпечатанные *in folio* и *in quarto* – посвящены победителям, и сказано в них о том, отчего эти люди – герои, и в силу каких причин им суждено было выиграть войну.

Как явствует из содержания, все эти книги – великие, и совокупность их образует Великую Современную Литературу. Напиши леди Томлейя еще одну подобную книгу – и эта Литература станет еще более Великой.

Однако величие интересует леди Томлейю в наименьшей степени. В той книге, что она замыслила написать, речь пойдет не о героях, а о том, кого героем назвать нельзя. Отчасти это вызов и провокация, отчасти – творческий эксперимент, шаг в неизведанную землю, куда по доброй воле не отправлялся еще никто.

Человека, которого нельзя назвать героем, зовут Аарван Глефод. Ныне он мертв, но когда был жив – сражался в войне, которая закончилась совсем недавно. Героем его нельзя назвать, поскольку он сражался на стороне, отличной от той, на которой сражались герои, выигравшие войну. Назвать его так нельзя еще и потому, что он сражался против идей, которые воплощали собой эти герои.

Будучи их врагом, он шел против справедливости, красоты, истины, будущего, здравого смысла. Равным образом не прельщали его добродетель, польза, прогресс и честный труд.

Достойные люди, за счастье которых велась война, понимали это, и они сделали все, чтобы Аарван Глефод оказался забыт. Его изъяли отовсюду, быстро и безболезненно, он исчез, как исчезает после стирки пятнышко, оскверняющее белоснежную простыню.

Но Малую Гурабскую энциклопедию писали историки, чья память независима от всякого счастья.

И об Аарване Глефодe в этой энциклопедии сказано вот что.

Сказано, что он был сыном маршала гурабской династии Аргоста Глефода, который в числе прочих предал династию и перешел на сторону Освободительной армии. Что по воле отца он семнадцать лет прослужил капитаном Двенадцатого пехотного полка его величества Гураба Двенадцатого и за все время службы не добился ничего, кроме медали «За отсутствие происшествий».

Сказано, что, когда Освободительная армия вплотную подошла к столице, капитан собрал отряд из двухсот тридцати двух своих друзей, нарек его Когортой Энтузи-



астов, вооружил экспонатами из Музея воинской истории и допотопной техники и с этими силами двинулся защищать династию и старый мир. Что первое его столкновение с врагом окончилось победой, хотя противниками были профессионалы, а сам Глефод толком не умел даже стрелять. Что едва Когорта встретила в бою с основными силами Освободительной армии, как всю ее, до последнего человека, уничтожил единственный выстрел из бортовых орудий линейного крейсера «Меч Возмедея».

Сказано, что единственный уцелевший фрагмент капитана – его рука, в момент залпа одетая в кибернетический увеличитель силы, выполненный из тугоплавкого материала. И, наконец, говорится там, что кусок вулканического стекла с заключенной внутри рукой Глефода хранится в частной коллекции Наездницы Туамот – и тут энциклопедия замолкает, ибо факты исчерпаны, и продолжать дальше бессмысленно.

Такова вкратце эта история, из которой ясно все, кроме того, что за человек был Аарван Глефод, и почему он совершил то, что совершил. Сказать по правде, леди Томлейю это несколько раздражает. Она прекрасно понимает героев вроде Джамеда Освободителя и Наездницы Туамот, однако Аарван Глефод, которого героем назвать никак нельзя, отчего-то ей непонятен.

Все, что сделали победители, имеет свой смысл. Все, что они сделали – разумно и целесообразно. Они свергли династию, которая причиняла достойным людям зло. Они установили новые законы, при которых достойным людям – хорошо, а недостойным – плохо. Мир, созданный Освободительной армией Джамеда и Наездниками Туамот, подчиняется законам логики и здравого смысла.

Это справедливый и цивилизованный мир, приятный во всех отношениях.

Но Глефод явно принадлежит к другому миру, не имеющему ничего общего со светлым миром Джамеда и Туамот. Как человек современный, Томлейя отлично знает, что все поступки капитана, даже собственная его гибель и смерть товарищей, абсолютно лишены смысла – и все же не может отделаться от мысли, что упускает в своих рассуждениях нечто важное.

В сущности, она пока еще не знает, что хочет написать о человеке, которого нельзя назвать героем, в своей великой книге. Она не знает даже, напишет ли вообще книгу, ибо Наездница Туамот, к особняку которой Томлейю доставило ландо, не славится гостеприимством.

Все, однако, оборачивается наилучшим образом. Суровой Наезднице не чужды высокие чувства – она читала романы Томлейи и пребывает от них в восторге. Идея новой книги восторгает ее меньше, однако ей не жаль, если современный писатель взглянет на ее кристалл и извлечет из него что-нибудь на потребу новому времени. Леди Туамот – мускулистая, крепкая и однако же неуловимо женственная – твердо уверена: история Глефода осталась в прошлом, сегодня она не тронет сердца. Жизнь принадлежит победителям, и даже если кто-нибудь вспомнит неудачников, они не перестанут быть таковыми.

Томлейя кивает, и они спускаются в подвал, к частной коллекции. Леди Туамот имеет полное право называть Глефода неудачником. Она видела, как погиб незадачливый капитан, она была на борту линейного крейсера «Меч Возмездия», который одним выстрелом покончил со всей Когортой Энтузиастов.

Столь разрушительный эффект был заслугой снарядов РОГ-8, разработанных учеными Освободительной армии Джамеда. Каждый такой снаряд при попадании расщеплялся на сто десять частей, и каждая такая часть взрывалась с мощностью крупного фугаса.

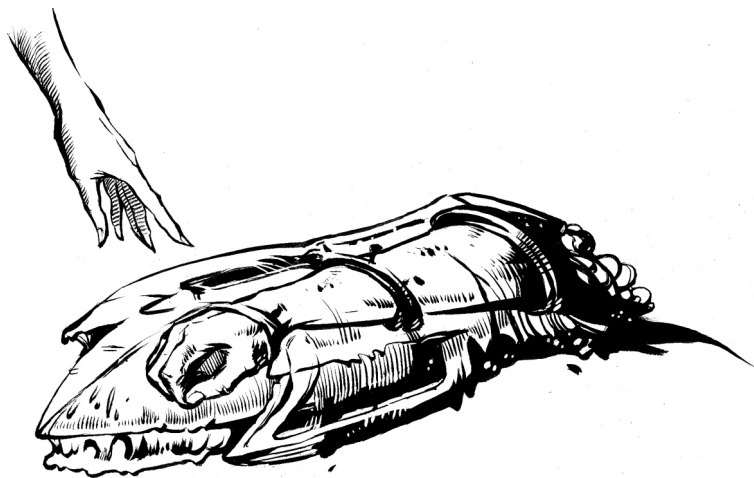
За орудиями «Меча Возмездия» сидели профессиональные наводчики и стрелки с опытом десяти войн. Капитана Глефода и двести тридцать два его бойца уничтожил первый же снаряд РОГ-8, выпущенный из бортовых орудий. Если бы первый выстрел промазал, в распоряжении орудийной команды таких снарядов имелось еще двести восемьдесят шесть тысяч девятьсот девяносто четыре.

Это был неравный бой, это даже нельзя было назвать боем. Повстанческие войска прошли над телом Глефода, не споткнувшись, никакой инцидент не мог омрачить их триумф и осрамить то великое, что они принесли на смену гурабской династии. В конечном счете Глефод погиб из-за собственной глупости, и достопочтенная леди Томлейя скоро в этом убедится, когда коснется кристалла своей мнемопатической рукой.

Таково мнение великого человека, Наездницы Туамот, супруги Джамеда Освободителя. Кристалл закреплен на подпорке из цельного оникса, он похож на обугленный цветок, рука виднеется сквозь стекло, черным пятном продолговатой формы. Томлейя подходит ближе: какой мощный предмет, память его будет яркой. Уже на расстоянии она различает звуки неведомого гимна, и в гимне этом ей слышатся суровое спокойствие, дерзкий вызов и робкая надежда.

Глефод погиб еще молодым, ему было лишь тридцать четыре года. Не так ли должна встречать свою смерть безрассудная юность?

Томлейя подходит совсем близко, кладет на кристалл правую руку, и бессмысленная жизнь Аарвана Глефода возникает перед ней, как призрачное видение, как старый фильм, наконец-то пошедший в прокат.



## **2. ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ. ГЛЕФОД ЗАБИРАЕТ ЗНАМЯ**

Это случилось в столице земли Гураб, перед самым концом старого мира. На смену увядшему утру влачился бледный, словно бы вываренный, день.

Когда-то здесь шли парады, гремела музыка, струился дождь из маковых лепестков. Когда-то здесь блестящим словам рукоплескали бесчисленные толпы. Теперь все иначе, словно кто-то безжалостный пришел и вывернул пеструю столицу наизнанку. Куда девались все краски? Кто разорил витрины, сбил вывески, притушил неоновые огни? Казалось, среди серых спиц, серых до-

мов, серых земли и неба цветной остается только грязная тряпка, выброшенная на Главную мостовую, под ноги толпе, в слякоть и месиво очереди за пайкой.

Когда-то эта тряпка реяла на плацу Двенадцатого пехотного полка, ныне же по ней взад-вперед ходили люди и таскали в кульках крупу, соль и сахар. Одни ходили по знамени просто так, другие наступали на него сознательно, из ненависти к тому, о чем оно им напоминало. Знамя напоминало о гурабской династии, из-за которой люди, толпящиеся на мостовой, не могли получить достаточно соли, сахара и крупы.

Продуктов не хватало, ибо Освободительная армия, сражающаяся против династии, перекрыла дороги, ведущие в столицу, и в ее руки попадало все, что слали в помощь верные короне города. Жители столицы знали это, однако в своих несчастьях винили не повстанцев, а династию, которая довела свой народ до восстания.

Они помнили, что триста лет назад основатель династии был точно таким же мятежником, как и те, что ныне составляли Освободительную армию – однако считали, что власть и богатство развратили правителей и испортили их здоровую кровь.

Конечно, они были правы – насчет разврата, крови и всего остального. И все же, если бы династия с нездоровой кровью дала им хоть немного больше крупы, сахара и соли, чем могла дать, они смирились бы и забыли на какое-то время про разврат и порчу. Этой передышки правителям хватило бы, чтобы собраться с силами, разбить повстанцев и обеспечить свой народ пищей.

Но у гурабской династии было слишком мало запасов, и, следовательно, купить себе время она уже не мог-

ла. Ее сроки вышли, дух поник, и всякий, кто хотел, мог топтать ее знамя и думать, что причиняет ей вред. Поскольку в столице давно уже свирепствовал голод, думали об этом лишь более-менее сытые.

И ненавистники династии, и равнодушные к ней – все они толпились и давили друг друга, стараясь пробиться к грузовикам с едой. Кто мог – хватал свой кусок, однако он был так мал, что многие из тех, кто получил свою долю, все равно потом умерли с голоду. Но пока они были живы и думали, что будут жить дальше, поэтому по-прежнему давили других людей и рвали у них из рук кульки с пищей.

Капитана Глефода не беспокоили кульки. Он стоял в стороне и смотрел, как за них бьются другие. Он видел, как толпа раздавила собаку, которая пыталась достать небольшой кусок для своей небольшой жизни. Толпа раздавила ее как человека. От трупa остались клочья шкуры и кровавое пятно.

Один человек, который вместе с остальными давил собаку, вытер окровавленную ногу о знамя, напоминающее о гурабской династии. Очевидно, он ненавидел старый мир и хотел испачкать знамя кровью, однако не смог этого сделать, ибо оно уже было испачкано и, кроме того, само по себе было красным.

Скорее всего, человек ненавидел красное полотно потому, что на нем были вышиты три белых копыя – большое между двумя маленькими. Эти копыя символизировали основателя династии и двух его сподвижников, и такое изображение правящая династия даровала Двенадцатому пехотному полку за верность.

Один из сподвижников основателя династии был предком капитана Глефода. Если бы люди, таскающие кульки, узнали, что капитан Глефод – потомок этого сподвижника, они бы бросили свою ношу и, словно безумцы, убили его. Они бы убили Глефода просто за то, что в жилах у него течет кровь человека, из-за которого они нынче вынуждены вести себя, словно безумцы.

Не исключено также, что текущее их настроение просто требовало кого-нибудь убить.

Если бы на месте капитана стоял его отец, маршал Аргост Глефод, с ним бы расправились еще вероятнее, ибо на своего предка он походил больше, нежели его сын Аарван. В последнем из Глефодов не было почти ничего, чем славился этот род, поэтому в лице Аарвана Глефода род его мог существовать даже теперь, в тяжелые времена для родов и славы.

Хотя капитан стоял в стороне от давки, его положение было опаснее, чем если бы он находился в ее центре. С минуты на минуту его могли заподозрить в том, что он пришел не за крупной, солью и сахаром, а за чем-то другим, что не имеет к пище никакого отношения.

По логике толпы, если Глефода не интересовала еда, он явно имел ее источник на стороне, был одним из тех, кто знал, предвидел, а, следовательно, устроил этот голод. Логика толпы работала безупречно: до сих пор, несмотря на отсутствие поставок, Глефод получал от казны скудный, но стабильный паек. Знай люди об этом, они убили бы Глефода, даром, что паек его нисколько бы их не насытил.

Можно даже предположить, что радость от убийства человека, которого ненавистная династия снабжала

пайком, затмила бы на время голод, вызванный отсутствием пищи. Капитан понимал это, но, как человек, получающий подачку, не мог судить тех, кто этой подачки не получал.

Глефод удостоился казенного пайка потому, что до сих пор числился капитаном Двенадцатого пехотного полка, чье знамя люди с кульками ныне топтали и рвали на части. Хотя полк, получивший знамя за верность династии, перешел на сторону повстанцев, которые желали эту династию свергнуть, толпа все же не могла простить ему, что он не остался защищать ее и династию, которая номинально сохраняла власть над толпой.

Вероятно, будь полк по-прежнему верным, его бы ненавидели еще больше. Такое случается, этому не нужно искать рационального объяснения. Тот, кто обстряпал предательство полка и переход его на сторону Освободительной армии, знал психологию толпы и не особенно рассчитывал на ее милость. Спасая от гнева народа своих солдат, он потащил за собою всех, кроме Аарвана Глефода. Его благодетель забыл за неприметностью, как забывают в суматохе пыльный сервиз или любую другую бесполезную мелочь. Ныне, за вычетом Глефода, от Двенадцатого пехотного полка в столице оставалось лишь знамя с гербом династии, которое из старого мира в новый тащить было просто неприлично.

И вот капитан решил найти знамя – неизвестно как и непонятно зачем. Возможно, то была тяга одной брошенной вещи к другой; так или иначе, на Главную улицу, где раздавали пищу, Глефод забрел бесцельно, утомленный своим напрасным поиском. До этого он упорно гонялся за знаменем по всему городу, и можно представить его досаду, когда оно, растерзанное, вдруг всплыло



именно здесь, куда Глефод, подхваченный мощным течением толпы, угодил совершенно случайно. Что ж, теперь он был в двух шагах от цели, и цель эта была от него бесконечно далека. Проблема заключалась в том, что забрать знамя означало выказать к нему равнодушие, которое иные ненавистники династии вполне могли принять за любовь. И если капитан хотел избежать таких обвинений, то должен был притвориться, что ненавидит полк. Проблема заключалась еще и в том, что он действительно его ненавидел. Таким образом, чтобы спасти знамя, Глефод должен был сперва полюбить полк, затем его возненавидеть, после чего ему следовало распутать этот клубок ненависти и любви.

И капитан Глефод крикнул:

– Эй, вам не жалко марать ботинки об эту погань? Династия сгинет, а обувь останется – зачем вам таскать клочки династии на подошвах? Если вы хотите избавиться от старого мира, лучше сжечь его. Давайте я сожгу эту тряпку!

С этими словами он подошел к знамени, нагнулся и взял его за грязный размахрившийся угол.

– Дайте, дайте сюда, – толкнул Глефод плечом человека, стоящего на полотнище. – Не все здесь думают о желудке, кое-кому надо свести счеты. Меня унижали триста лет, а мне всего тридцать четыре. Когда спасители придут, они сожгут династию, но мне этого мало, я хочу, чтобы она горела сейчас. Я хочу видеть пожарище! Я хочу свой маленький мятеж, я хочу разрушить то, что мне по силам. Ну, кто пойдет со мной? Кто? А если никто, тогда расступитесь, не путайтесь под ногами! Не нужна мне ваша крупа, я пришел мстить, а не обедать!

Так кричал капитан Глефод, и пальцы его шарили под ногами в поисках древка. Наконец, он нашел его, и знамя Двенадцатого пехотного полка поднялось над толпой, словно над отступающей армией. Никто не мешал Глефоду, он знал, что никто не пойдет жечь знамя вместе с ним. Растоптанное, оно останется символом, а сожженное – перестанет быть им и превратится в пепел. Унижая знамя, люди, однако, сохраняли его. Сжечь его означало стать мятежником вроде тех, что наступали на столицу. Хотя все столичные жители ненавидели династию и не препятствовали мятежу, они хотели быть не повстанцами, а просто людьми, забирающими свое. Поэтому никто не поддержал желание Глефода сжечь знамя, и оно было спасено.

Он стряхнул с полотна грязь, ибо грязь горит плохо, стер плевки, ибо плевки – суть вода, и водрузил древко себе на плечо, ибо на плечах дрова носить сподручнее. Он пошел прочь от толпы, без кулька с пищей, и никто не удивлялся его виду, ибо все думали, что он проглотил свою порцию на месте и теперь, напитанный силой, несет знамя на свалку истории.

Возможно, услышь Глефод это объяснение, он принял бы его, как вполне соответствующее действительности, ибо сам не знал, для чего ему поруганный штандарт, и зачем он должен куда-то его тащить. Но руки подняли, ноги понесли, и голове пришлось с этим смириться. Фактически, Глефод спас знамя не потому, что оно было знаменем вообще, то есть воплощало собой какие-то реальные ценности, вроде мужества, долга и воинской чести, которые следовало бы сохранить в назидание потомкам или для иной благородной цели. Он спас его потому, что оно принадлежало Двенадцатому полку, куда Глефод поступил по воле отца и которому

против воли посвятил семнадцать лет бесполезной, решительно ничем не отмеченной жизни.

Такие противоречия тоже случаются. Кажется, они называются диалектикой жизни, и это довольно красивое название для подобной дряни.

Глефод рос в семье военного, происходил из рода военных, однако не обладал и толикой воинского духа, обращаясь к казарму в дом родной, командира – в отца, а солдата – в сына. В сущности, он годился для службы не больше, чем поломойка, приходившая к ним убираться два раза в неделю. Глефод не умел стрелять, маршировать, убивать и отдавать честь. Взамен он любил историю, неплохо пел и посещал библиотеки чаще, чем офицерские клубы. Во многом, это и определило тот разлад в семье, который для отца Глефода, маршала Аргоста, был жалкой, постыдной тайной, а самого Аарвана мучил всю жизнь и в конце концов привел его к преждевременной гибели.

Плеснем еще диалектики в этот раствор. Так вышло, что младший Глефод любил старшего, и тем больше любил, чем больше тот презирал его за слабость и мягкотелость. Любовь к отцу делала Глефода мечтателем; грезя прошлым своего славного рода, он упускал из виду настоящее, требовавшее от него забыть о мечтательности и мыслить трезво и жестко, как подобает солдату. Стараясь добиться отцовской любви, Глефод совершал ошибку за ошибкой, отчего отец в конце концов удалился от него на расстояние, с которого и менее значительные люди видятся божествами.

У бога, созданного воображением Глефода, не было слабостей. Он не совершал ошибок и был безупречен со всех точек зрения. Уже год отец Глефода сражался на

стороне мятежников, стоял плечом к плечу с Наездницей Туамот, которую некогда порол плетью, и Освободителем Джамедом, которому давным-давно чуть не отрезал уши. Хотя с точки зрения правящей династии, выдающей Глефоду паек, маршал Аргост был предателем, сам Глефод оставался верным династии именно потому, что верности его некогда научил предатель-отец.

То был абсурд, ибо династия не заслуживала верности, и все разумное и светлое, что мог родить этот век, заключалось в Освободительной армии – однако единственным – и бессознательным, по сути, способом, которым Глефод мог выразить свою сыновнюю любовь, оставалась эта собачья верность, толкнувшая его на то, чтобы вытащить из-под ног у голодной толпы замызанное знамя и тащить его домой, к портрету отца в золоченой раме.

Ты должен быть доволен, Глефод. Ты рисковал жизнью – ради того, что твое божество давно считало дурацкой тряпкой.

### **3. ЖЕНА И ОТЕЦ. ЛЕГЕНДА. ПЕСНЯ**

И Глефод был доволен.

– Мирра, дорогая, – начал он, стараясь придать своему тенорку глубину и благородство, присущие голосам настоящих мужей и воинов. – Мой отец строил свою жизнь так, чтобы она протекала в едином русле с жизнями людей, если не великих, то, на худой конец, достойных, честных и храбрых. И если теперь он пребывает на одной стороне с восставшими, которые повсеместно известны,

как лучшие люди нашего времени, значит, его стратегия работает, и жизненные принципы, которым он учил меня, по-прежнему верны. Поэтому ты можешь называть отца как угодно, но я все равно собираюсь вести себя так, как он меня воспитал: быть стойким, не предавать, говорить правду и пускать стрелу прямо.

Такие слова Глефод говорил своей жене, которая полужела на диване времен Гураба Одиннадцатого. Сам Глефод стоял у портрета отца, а портрет, как ему и положено, висел на стене. Таким образом, каждый из участников этой сцены занимал отведенное ему место, за исключением знамени, которое не взвивалось и не реяло, а лежало на полу, словно тряпка.

Мирра, жена Глефода, была против знамени. Она привыкла терпеть портрет, но знамя для нее оказалось уже чересчур.

– Какую стрелу, Глефод? – спросила она устало, по праву женщины, которой сегодня из скудного пайка придется готовить еду для себя, мужа и любого, кто набьется к ним на ужин. – Разве у тебя есть лук? Разве ты стрелок, мой милый?

– Я говорю в переносном смысле, – объяснил Глефод, не поворачиваясь к супруге. – Человек, пускающий стрелу прямо – это тот, кто не уклоняется от своего долга, и открыт перед другом так же, как и перед врагом.

– Слова, слова... – Мирра зевнула. – Твой отец потому и предал так легко эту твою династию, что эти твои слова ничего для него не значили. Он произносил их по сто раз на дню, потому что этого требовало от него маршальское звание. А если бы он был зеленщиком...

– Мирра, не смей.

– А если бы он был зеленщиком, – безжалостно продолжила Мирра, – он бы кричал: «Кому турнепса, кому кочерыжек?». А если бы он был собакой...

– Мирра!

– ... то он лаял бы – “гав”, “гав” и “гав”.

– С тобой невозможно разговаривать, Мирра, – сказал Глефод. – Я лучше буду говорить с тем, кто желает меня слушать.

– Да он никогда не слушал тебя, дурачок. Даже теперь он молчит лишь потому, что это портрет, которому давно пора на свалку. Я очень прошу тебя, Глефод: хоть раз в жизни будь благоразумным, выброси этот хлам и, ради всего святого, избавься от знамени. Если его найдут при обыске, то решат, что мы – сторонники династии.

– А разве мы не сторонники династии? – спросил Глефод, рассматривая серебряное шитье на отцовском портрете. Огромный, в человеческий рост, портрет принадлежал кисти придворного художника Ваарда. Художники из рода Ваард, все, кроме последнего, прославились своими портретами Глефодов – всех, кроме последнего. Последний из рода Ваард был так же недостоин своего рода, как и Глефод – своего, поэтому писать картины его не учили.

– Нет, – вздохнула Мирра. – мы не сторонники династии. Мы – всего лишь муж, который притащил домой грязное знамя, и жена, что боится за его жизнь. Ну почему тебе так нужно корчить из себя образцового солдата? Ты же не образцовый солдат.

– Верно, – сказал Глефод. – Но чем меньше я являюсь образцовым солдатом, тем больше я обязан им быть. Да-

же если быть образцовым солдатом я ненавижу больше всего на свете.

– Не понимаю, – Мирра закрыла глаза. – За всю жизнь он не сказал тебе ни единого доброго слова. Ни единого – только попреки, насмешки и гримасы отвращения на любой твой поступок. В его глазах ты всегда был недостойным, в тебе было ровно столько военного, сколько он умудрился в тебя запихнуть. А я, Глефод, вышла не за тебя-военного. Я полюбила тебя за все, чем ты отличаешься от своего отца. Почему же ты пляшешь перед ним, как жрец перед алтарем? Что он сделал такого, что ты любишь его больше, чем меня?

Теперь вздыхать пришлось уже Глефоду.

– Боюсь, что он не сделал ничего, и я заискиваю перед ним, чтобы он сделал хоть что-то, – сказал капитан. – Но хватит пустой болтовни. Я думаю, он гордился бы мной за то, что я совершил сегодня. И я прошу тебя помолчать, Мирра, потому что мне бы хотелось рассказать отцу о том, что именно я совершил.

– Как хочешь, Глефод, – Мирра зевнула снова и встала с дивана. – Ты можешь общаться с призраками сколько тебе угодно, а я лучше буду на кухне, с вещами, которые можно положить в суп и салат. Я, правда, не уверена, что у меня выйдет сделать и то, и другое – но ты же не нуждаешься в еде, так ведь? Ты же сыт одной своей фантазией о предателе – вот и хлебай ее полной ложкой.

Она ушла, и Глефод остался хлебать свою фантазию о предателе. Он хлебал ее до тех пор, пока она не закончилась, а когда она закончилась, Глефод обратился к источнику своей фантазии – парадному портрету отца.

Полотно изображало Аргоста Глефода в мундире, который в полном соответствии с действительностью полагался ему, как маршалу Гураба. В то же время на портрете отец оставался человеком, верным династии, – и это действительности уже не соответствовало. Как всякое произведение искусства, портрет превосходил реальность еще и тем, что был портретом. Словно зеркало, он отражал чувства Глефода к отцу на самого Глефода, и, разговаривая с холстом и краской, капитан чувствовал, что его понимают и любят. Жена тоже любила и понимала Глефода, но поскольку она была просто женщиной, капитану казалось, будто она любит его меньше, чем мог бы любить отец.

Капитан не винил жену, что она любит его меньше. Жена не была маршалом Гурабской династии, не была великим человеком и, не будучи великим человеком, не могла любить Глефода так, как должен любить своего сына великий человек.

– Здравствуй, – сказал Глефод своему отцу. – Знаешь, я становлюсь на тебя похожим. Я встаю в шесть утра, пытаюсь обливаться холодной водой, говорить внушительным баритоном. Хотя у меня нет трофейного пистолета, я стреляю по крысам из табельного, даром, что мне приходится отчитываться за каждый казенный патрон. Мне не очень нравится убивать крыс, они живые твари, но я всю жизнь делаю то, что мне не нравится, поэтому уже успел привыкнуть. Впрочем, если я говорю, что стреляю в крыс, это не значит, что я попал хотя бы однажды. Они очень шустрые, и наверное, тебе повезло, что ты учился убивать, стреляя в людей. Не подумай, я не хочу тебя в чем-либо упрекнуть. Все связано со всем, и ты именно потому великий человек, что воевал с людьми, а не с крысами. Я тоже пытаюсь быть великим человеком. Сегодня



я захотел стать достойным того, чему ты хотел меня научить, отправив в Двенадцатый пехотный полк. Ты надеялся, что я полюблю полк, полюблю дисциплину и стану твоим достойным преемником. Мне очень жаль, что за семнадцать лет я так и не оправдал твоих ожиданий. Боюсь даже, что я уже не смогу их оправдать потому, что Двенадцатого пехотного полка больше не существует. Но кое-что я сумел сделать. Хотя я не смог полюбить свой полк, я все же спас его знамя. Смотри, вот оно.

Глефод нагнулся, отряхнул полотнище и прислонил древко к раме. Грязная красная тряпка, которой было знамя, повисла на фоне чистой красной тряпки, которой был мундир Аргоста Глефода.

– И я решил сделать еще кое-что, – продолжил капитан. – Освободительная армия уже на подступах к столице, и я решил, что буду сражаться против нее. Это не очень-то разумно, и я не большой поклонник династии, однако я люблю тебя, а потому должен делать не то, чего мне хочется, а то, чего желал бы от меня ты. Ты хотел видеть меня настоящим солдатом, который не предаст того, кому служит. Прости, пожалуйста, мою жену: она права, что ты перешел на другую сторону, и все же она не понимает, что великим человеком движут соображения более глубокие и сложные, нежели все, что способен помыслить неудачник вроде меня. Если бы к мятежникам ушел я, это было бы предательством, однако тот же поступок в твоём исполнении является чем-то иным, несравнимо более значительным. Возможно, предав, ты совершил подвиг – я не удивлюсь, если в конечном счете люди скажут о тебе именно это. Но я – я не умею совершать подвигов. Я не великий человек и способен делать лишь то, чему научил меня ты. Ты учил меня быть сильным, и смелым, и стойким, и не просить себе награды. Ты

хотел, чтобы я был верным династии. Я буду сильным, смелым и стойким, и я буду верен династии. Кроме того, я ничего не жду от Освободительной армии. Она несет нашему народу счастье и свободу, но счастье и свобода мне не нужны. Она не сможет дать мне самого главного – твоей любви, и она уничтожит мир, в котором ты хотел видеть меня гордостью нашего рода и достойным продолжателем своего дела. Я... Я знаю, ты терпеть не можешь мои исторические изыскания, ты всегда считал себя гордостью нашего рода, даже большей, чем один из сподвижников Гураба Первого, но... Мне кажется, я нашел в нашем роду кого-то, кто может сравниться с тобой. Я говорю о нашем предке, одном из двухсот тридцати двух воинов, спасших когда-то династию. Послушай, отец, я расскажу тебе эту легенду.

И Глефод поведал отцу легенду, которую разыскал во время своих исторических штудий. Легенда эта сводилась к тому, что некогда молодой гурабской династии угрожала орда кочевников, которая хотела проделать с гурабской династией то же, что династия некогда проделала с великими Королями Древности. Кочевники хотели свергнуть династию и занять ее место, однако сделать это им помешали двести тридцать два воина, среди которых затесался неизвестный предок Аарвана Глефода. Воины встали заслоном у столицы, и мужество их было так велико, что враг отступил, понеся огромные потери, под звуки боевого гимна, который храбрецы пели, стоя плечом к плечу.

В этой истории Глефоду нравилось, что воины не принадлежали ни к одной политической партии, не требовали за свою верность награды, а следовательно, рисковали жизнью по велению своего сердца, в силу некоей внутренней правды, ведомой им одним. Кроме

того, все они были друзьями, а их армия – дружеством, свободным единением душ.

Еще Глефоду нравился их гимн – отчаянный, дерзкий, яркий. Хотя Глефод не понимал в нем ни слова, ему казалось, что он понимает все. Он верил, что в гимне поется о веселых и славных людях, бросающих вызов превосходящей силе, о людях, не страшась гибели и надеющихся на победу.

Гимн звучал так:

*Torhud ud vorhod  
Dhorved od morhed  
Od mudernorwod  
So worterbirhed!*

*Elwod na vilgen  
La vilsen-vilsen  
Geltoropfalten  
Hel'l olohilsen!*

*El goro lendo hal oro tono  
Wendo morendo naoro gono!  
Wotensoloro naoro peco  
Hodephutanro teube kono*

*Vorhod el groro  
Haltono wendo  
Hodephutanro  
Endo ro tendo!*

*El groro vorhod  
Bishre haltono  
Soilu alwere  
Doi falcono!*

Таковы были слова, что пели герои древности и среди них – предок Аарвана Глефода, на которого никоим образом не походил сам капитан.

– Вот так, отец, – сказал он, спев гимн портрету. – И я последую его примеру, воскрешу на мгновение старые дни, чтобы ты гордился мной. Я соберу своих друзей, мы будем петь и сражаться. В нас будут юность, и сила, и свобода. Я уже придумал название для нашего дружества, оно будет называться Когорта Энтузиастов. Я позову своих друзей, а друзья позовут своих. Если я рассчитал правильно, вместе со мной нас будет ровно двести тридцать два человека. Все, как в легенде, отец. И мы споем гимн и спасем столицу. А когда мы встретимся на затихшем поле боя, ты скажешь: “Я ошибался в тебе, мой мальчик. Может быть, ты и не такой, каким я хотел тебя видеть, но все же ты не столь уж плохой человек”.

Глефод заблуждался, когда думал, что в отряде их будет ровно двести тридцать два. В последний миг к Когорте Энтузиастов примкнет некий Дромандус Дромандус, который разрушит соответствие легенде тем, что станет двести тридцать третьим. Также он разрушит легенду потому, что расскажет Глефоду правду о ней и об истинном смысле гимна.

Хотя истина окажется болезненной, Дромандус будет совершенно прав, ибо легенда, которую Глефод рассказал портрету отца, – ложь от первого и до последнего слова. Никогда в истории Гурабской династии двести тридцать два воина не спасали ее от нашествия захватчиков – напротив, эти захватчики, точнее, три их вождя и были теми основателем и двумя его сподвижниками, что создали Гурабскую династию.

Серебряные копыя, украшающие знамя, спасенное Глефодом, были копиями поработителей.

Кроме того, если бы в истории гурабской династии действительно существовал эпизод, в котором кто-то вступился за нее искренне и смело, династия хвалилась бы им до тех пор, пока он не превратился в общее место, истертое и ничего не значащее.

Ложью от первого и до последнего слова был и древний боевой гимн двухсот тридцати двух воинов, который так нравился Глефоду. В отличие от легенды он был написан на языке поработителей, и в переводе с этого языка его суровые и мужественные строки звучали так:

Десять тысяч шлюх едут к нам на повозках, запряженных волами, титьки шлюх прыгают вверх и вниз, а губы накрашены алым. Мы засадим шлюхам по самые яйца, потому что мы разграбили пятьдесят городов и убили пятьдесят царей. Мы засадим шлюхам потому, что наши болты не влазят в обычных баб. Мы засадим шлюхам, пусть они едут к нам поскорее!

Поскольку Глефод не понимал смысла гимна, можно предположить, что ему нравился его задорный и веселый мотив, который действительно было легко запомнить и приятно напевать, аккомпанируя себе на пианино. Глефод мог напевать и наигрывать этот мотив потому, что ноты к гимну любезно записал его же создатель, и сделал он это с помощью нотной системы, которой предстояло возникнуть три века спустя.

И гимн, и легенда, которыми Глефод вдохновлялся, сражаясь с Освободительной армией, были фальшивкой, очевидной всякому здравомыслящему и скептически настроенному исследователю. Однако проиграл капитан не потому, что они были фальшивы, а потому, что его отряд в двести тридцать два человека сражался с армией, численность которой превышала восемьсот тысяч

солдат. Также он проиграл потому, что на борту линейного крейсера «Меч Возмездия» хранилось двести восемьдесят шесть тысяч девятьсот девяносто пять снарядов класса РОГ-8, в то время, как для уничтожения Когорты Энтузиастов требовался всего один.

Из легенды, гимна, любви Глефода к отцу и его смерти подлинными в этой истории были только любовь и смерть.

Через двести лет после того, как леди Томлейя напишет свою книгу, подлинными будут считаться гимн и легенда. Легенда будет рассказывать о том, как 232 воина во главе с Аарваном Глефодом храбро сражались и погибли в бою с Поработительной армией, которая жестоко уничтожила древнюю гурабскую династию, правившую испокон веков.

К моменту, когда имя Аарвана Глефода станет известно каждому ребенку, от настоящего капитана не останется ровным счетом ничего. Он превратится в народного героя, который действовал с высочайшего позволения династии и при могучей поддержке великого гурабского народа. Гимн и легенда обретут новый смысл, который придал им Аарван Глефод. И никто не вспомнит чад всеобщего предательства, окутавший Гураб, когда капитан задумал свой бессмысленный поступок.

Глефод не знал этого потому, что не был историком и существовал только в своем времени. И в этом времени, едва закончился разговор с отцом, он услышал, как на кухне плачет жена. Она могла плакать потому, что из пайка Глефода – пята картофелин, двух луковиц и куска мяса с желтоватыми прожилками – не получалась пища, способная насытить двух взрослых людей, существующих во времена всеобщего предательства. Еще жена могла плакать потому, что была благородным существом и жалела

капитана Глефода. В первом случае Глефод не мог сделать ничего, во втором он мог пожалеть жену в ответ.

И капитан избрал тот вариант, в котором мог что-то сделать.

– Я все слышала, – сказала Мирра Глефод, которая, едва у нее потекли слезы, сразу же начала резать лук, чтобы слезы происходили от лука. – Ты дурак, Глефод. Ты дурак, дурак, дурак, дурак, дурак...

– Я знаю, – сказал Глефод, подошел к жене и положил свои руки на ее. Руки Мирры остановились, и слезы ее утратили с луком всякую связь. – Я знаю, Мирра, однако и дураки зачем-то нужны. Например, они нужны для того, чтобы сражаться с Освободительной армией, которая несет нам освобождение. В общей картине мы все играем роли, так или иначе, и многие играют свою роль, даже не зная, в чем она состоит. Я знаю, в чем состоит моя роль, и, поскольку я не могу требовать изменения сценария, ибо требовать мне не у кого, я должен играть эту роль, как умею.

– Спектакли, роли... – прошептала Мирра. – А я, выходит, актриса в этом безумии?

– Этого я не знаю, – серьезно сказал капитан. – Каково твое место в общей картине – знает один Бог. А для меня ты – жена, и этим все сказано. И если я, в свою очередь, для тебя – муж, не препятствуй мне делать то, что я должен.

– Даже если это...

– Да, – сказал капитан. – Даже если.

Он отпустил руки жены, обнял ее, и так они стояли над порезанным луком, мелко настроганной картошкой и куском мяса с желтоватыми прожилками.

#### **4. ВСЕОБЩЕЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО**

Глефод принял решение и начал действовать. Однако, едва он взял телефон, чтобы позвонить своим друзьям и собрать их в стальную Когорту, достойную героев древности, то подумал, что уже поздно, и все друзья, наверное, давно спят. Тогда Глефод решил отложить свой план до утра в надежде, что за ночь ничего ужасного не случится.

Пока он напрасно пытался уснуть, Освободительная армия подошла к столице так близко, что остановить ее теперь не смогли бы и регулярные воинские части, даже если бы среди них сыскалась такая, что еще не перешла на сторону Освободительной армии.

Всеобщее предательство, постигшее гурабскую династию, несомненно, было значительно более всеобщим, нежели принято упоминать в официальной историографии. О подлинных масштабах этого предательства умалчивают как источники гурабских времен, так и свидетельства, оставшиеся от эпохи Освободительной армии.

Гурабской династии правда была невыгодна, ибо вскрывала разложение правящей верхушки.

Освободительная армия Джамеда и Наездники Туамот засекретили свою информацию, чтобы никто не узнал, какую часть победы одержали они сами, а какую преподнесли им на блюдечке промышленные воротилы Гураба.

Поскольку документы обеих сторон до сих пор не представлены широкой публике, говорить имеет смысл лишь о тех случаях предательства, которые до войны и во время ее видели глаза и слышали уши.



По самым скромным подсчетам, глазам и ушам открылось от от девяносто восьми до девяносто девяти процентов того, что до сих пор скрыто в секретных архивах. Факт этот свидетельствует, что те, кто мог и хотел предать гурабскую династию, предали ее открыто, смело и искренне, что сделало бы честь любому другому поступку, кроме предательства.

Доподлинно известно, что правящую династию предали абсолютно все.

Доподлинно известно, что в какой-то момент правящую династию предала даже она сама, ибо каждый из членов Гурабского дома вел сепаратные переговоры или с Освободительной Армией Джамеда или с Наездниками Туамот.

Все силы, что могли оставить династию, оставили ее и перешли на сторону Освободительной армии.

Банкиры искали способы сохранения своих капиталов и спешили заручиться поддержкой мятежников. Они имели большой опыт работы с властью и знали, что всякое молодое правительство нуждается в деньгах, которые могло бы тратить для придания себе презентабельности.

Промышленники искали новые рынки сбыта, и Освободительная армия в их искусных руках освобождала не только народ от тирании гурабской династии, но и битком набитые склады от товаров, за которые династия уже не могла заплатить.

Металлургические магнаты продавали мятежникам сталь и сплавы для создания военной техники. Тысячи специалистов передавали Освободительной армии свой инженерный и строительный опыт. Тысячи инструкто-

ров обучали повстанцев владению оружием – лучеметами, фраз-гранатами, портативными дезинтеграторами и излучателями пси.

Если бы один из этих инструкторов обучил Глефода владению автоматом «Кригга», послужной список Когорты Энтузиастов пополнился бы по крайней мере одним убитым.

Это был бы первый человек в послужном списке Когорты Энтузиастов.

Никто, однако, не учил Глефода стрелять из автомата «Кригга», поэтому в финальном матче «Когорта Энтузиастов – Освободительная армия» счет оказался 0 : 232 не в пользу Глефода.

Выполняя личный заказ Джамеда, металлургические заводы произвели 286 995 снарядов РОГ-8, 286 994 из которых до сих пор хранятся на складе в ожидании своего часа. Когда этот час настанет, люди, на которых будут направлены эти снаряды, пожалеют, что на Глефода Освободительная армия истратила всего один.

Сельскохозяйственные корпорации слали войскам Джамеда и Туамот бесконечные караваны муки, молока, сыра, мяса и творога. Пока мятежники не овладели золотым запасом гурабской династии, товары эти им отпускали в кредит. После захвата золотого запаса они, не скупясь, оплачивали услуги фермеров золотом.

Ткацкие предприятия поставляли повстанцам одежду и обмундирование. Они рассчитывали на новые заказы после войны и не ошиблись в своих расчетах. Чтобы одеть обнищавший и износившийся за войну народ, правительство Джамеда и Туамот истратило остатки золо-

того запаса и залезло в безвылазные долги к народу, который хотело одеть.

Народ простил освободителям долги, ибо все еще находился под впечатлением от освобождения.

По мере того, как войска мятежников продвигались к столице, на сторону Освободительной армии переходило все больше политиков, верных до этого гурабской династии. Созерцая грядущие перспективы, они находили в своей гурабской действительности такое количество недостатков, что будь хотя бы десятая часть их правдой, Гураб давно бы рухнул сам по себе, без всякой Освободительной армии. Фактически, то гурабское правительство, которое собиралось в гурабском дворце в последние дни столицы, было целиком и полностью антигурабским.

Тем не менее, это правительство вело гурабские дела, выпускало гурабские декреты и до самого конца старого мира относилось к ненавистному Гурабу Двенадцатому с наивысшим почтением.

Все вышесказанное касается также армии и средств массовой информации. Наиболее талантливые военачальники, рассчитывавшие и дальше применять свои таланты на пользу вооруженных сил, перешли в стан мятежников в первые же дни восстания. Последними к Освободительной армии примкнули наиболее тупые и бесталанные, которых Освободительная армия приняла с распростертыми объятиями – не потому, что ценила тупость и бесталанность, а скорее из умиления собственным великодушием. Если она, воплощение всех прогрессивных сил, сумела прошибить даже эти каменные головы, значит, будущее ее будет воистину блестящим.

Освободительная армия желала себе блестящее будущее. Пресса, всегда готовая стараться, сделала его еще более блестящим. Газеты и журналы, все без исключения поддерживающие мятеж, рисовали населению картины столь яркие и соблазнительные, что когда правительство Джамеда и Туамот столкнулось с необходимостью исполнить хотя бы часть обещаний, данных прессой, ему пришлось делать займы у соседних держав – гигантские займы, чей процент был не менее гигантским.

Главной задачей гурабских газет было очернение гурабской действительности, чем они занимались со знанием дела и внезапно открывшейся страстью к очернению. В их изложении гурабская история, для всякого здравомыслящего человека являющаяся чередой идиотских реформ и кретинских реакций, предстала неожиданно чередой кретинских реакций и идиотских реформ.

Несмотря на некоторое сходство со взглядом здравомыслящего человека, гурабские газеты шли гораздо дальше здравого смысла, настолько далеко, что постепенно упразднили его за ненадобностью. Без сомнения, гурабская действительность была отвратительна, однако не настолько, чтобы сравнивать ее с адом на земле. Лидеры ее, хотя и достаточно мерзкие, были все же не гнусными чудовищами, а всего лишь людьми, что злоупотребляли властью так же, как толстяки злоупотребляют за обедом телячьей грудинкой.

В их необъятные животы уже не лезло, однако они упорно тянули в рот еще кусочек.

Династию предали верхи, но, может быть, ей остались верны низы? Может быть, простой народ по-прежнему верил в доброго государя и мечтал лишь о том, чтобы подняться и заслонить его своей коллективной грудью?

Что ж, глаза и уши утверждают обратное. Доподлинно известно, что все организации, конторы, учреждения и учрежденьишки, отдававшиеся предательству гурабской династии с samozабвением, самоуничижением и самообманом, состояли именно из простого народа, которому глубоко в душе было совершенно безразлично, продолжает ли существовать гурабская династия или ее сменило правительство Джамеда и Туамот. Все, чего хотели обычные люди, – жить, несмотря на все перемены.

Предательство их, гнусное и всеобщее, проистекало из желания жизни.

Этот принцип был самой жизнью. Мир менялся – принцип оставался неизменным. Люди руководствовались им еще триста лет назад, когда мятежники, ставшие впоследствии гурабской династией, свергли Королей Древности и воцарились над людьми вместо них. Триста лет Короли Древности считались жестокими тиранами, от тирании которых людей избавила гурабская династия. Теперь, когда на смену гурабской династии неизбежно шла новая сила, желание жить заставляло людей ненавидеть прежних правителей и видеть в этой новой силе спасение.

Тот, кто не видел спасения в новой силе и не желал по той или иной причине предавать гурабскую династию, для людей являлся противником жизни, продолжающейся несмотря на все перемены. Такой человек раздражал людей и тем, что отказывался принимать всеобщее предательство, как наиболее простой и доступный способ сохранить свою жизнь и обеспечить себе достойное существование.

В атмосфере всеобщего предательства все действия такого человека казались совершенно бессмысленными, оторванными от действительности. В новом мире, следовавшем за всеобщим предательством, эти действия

казались бессмысленными еще более, чем совершенно, потому что новый мир не имел со старым ничего общего, кроме жизни, которую отверг человек, совершивший эти действия.

Помимо уничтожения человека, ведущего одинокую войну на фоне всеобщего предательства, искажало предательство и все полезное, честное и достойное, что исходило от людей, не желавших безоглядно отдаваться течению жизни. Искаженное, все, что делали эти люди, обращалось во зло, вредящее династии и подрывающее ее и без того ничтожный авторитет. Династия была недостойна помощи таких людей, и династия знала, что этой помощи недостойна. Словно человек, раздавленный и парализованный чужим милосердием, она не могла собраться с силами и распорядиться оказываемой ей поддержкой.

Факт этот иллюстрирует следующая ситуация.

В самом начале мятежа город-государство Нигрем предложил Гурабу Двенадцатому войска и кредит в двести миллиардов нигрем-дукатино. Гураб побоялся пускать на свою территорию войска потенциального противника и не принял военной помощи, кредит же взял и растратил на испытания новейших подводных лодок, хотя война с повстанцами шла на суше, да и морей в его империи не было. Несмотря на определенную предвзятость по отношению к Нигрему, официальная историография Освободительной армии согласна с тем, что миллион нигремианцев, вооруженных новейшей техникой, и двести миллиардов нигрем-дукатино, употребленных в дело, могли бы значительно изменить ход войны.

Подобное решение Гураба Двенадцатого говорит о том, что глубоко в душе он осознавал свою историческую обреченность и не особенно пытался ей противос-

тоять. Осознавал свою историческую обреченность и Аарван Глефод. Из этих двух людей, осознающих свою историческую обреченность, тот, кто решил сражаться, погиб, а тот, кто сдался, остался жив и прожил долгую и счастливую жизнь.

Выжил человек, из-за которого общее дело в одночасье стало никому не нужным.

Умер человек, который защищал это никому не нужное дело ценой своей жизни.

В этом мире что-то устроено не так, но никто не может сказать, что именно.

Пока что леди Томлейя тоже не могла этого сказать. Мнемопатия давала ей факты из жизни Глефода и последних дней гурабской династии, но истолковать эти факты Томлейе было пока не под силу. Требовался кто-то более безжалостный и беспощадный, чтобы вынести людям земли Гураб приговор, которого они заслуживали.

Но существуй такой человек, он уничтожил бы всех без разбору, и некому было бы читать эту историю.

## **5. СОБРАНИЕ. ПОЯВЛЯЕТСЯ ДРОМАНДУС ДРОМАНДУС**

Наутро, после бессонной ночи, Глефод позвонил наконец своим друзьям, а те в свою очередь позвонили своим. Поскольку все это были люди романтические, а главное – неплотно примыкающие к жизни, идею вплотную примкнуть к легенде они восприняли с энтузиазмом, который и дал впоследствии название их Когорте.